

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ К НОВОМУ СОСЕДСТВУ

ДМИТРИЙ ТРЕНИН | ИЮНЬ 2018

Россия и Германия, сблизившиеся после окончания холодной войны, вновь вступили в полосу взаимного отчуждения. И этот период, скорее всего, будет длительным: российско-германская «размолвка» имеет серьезные причины. Прежняя модель партнерства, основанная на идеях «интеграции России в Европу» и «становления Большой Европы от Лиссабона до Владивостока», невосстановима. Возможно ли в таких условиях позитивное взаимодействие России и Германии — и если да, то какое и в чем именно? Какой могла бы стать в будущем модель российско-германских отношений и как они впишутся в контекст международных взаимосвязей в Евроатлантическом и Евроазиатском регионах?

Российско-германские отношения на протяжении трех столетий являлись одной из главных осей европейской политики. Россия и Германия не раз бывали союзниками, но дважды сходились в мировых войнах. Самой тяжелой войной в российской истории была Великая Отечественная, начавшаяся гитлеровским вторжением и завершившаяся разгромом нацистской Германии. Победа в этой войне сделала Советский Союз гегемоном половины разделенной Европы и Германии, ядерной сверхдержавой. Наследие Победы по сей день является базой международного статуса и воспринимается в России как основа морального авторитета Российской Федерации, как одна из важнейших составляющих современной российской идентичности. Для Германии Вторая мировая война, закончившаяся катастрофой Третьего рейха, также стала переломным событием: она привела к формированию новой немецкой идентичности, осно-

ванной на принципах правового государства, социальной рыночной экономики, гуманизма, толерантности и сдержанности в применении военной силы.

Окончание холодной войны логически поставило вопрос об объединении расколотой Германии. Согласие Москвы на германское единство в государственных рамках федеративной республики стало символом исторического примирения — через 45 лет после самой кровопролитной войны в истории двух стран. Это примирение началось уже вскоре после окончания войны (особенно на территории Германской Демократической Республики, созданной при помощи СССР) и продолжилось в начале 1970-х благодаря «новой восточной политике» канцлера Вилли Брандта. Результатом ее стали Московский и другие «восточные» договоры ФРГ. Распад СССР, последовавший сразу за германским

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Тренин — директор Московского Центра Карнеги с 2008 г., работает в Центре со дня его основания (1994 г.). Он также является председателем научного совета и руководителем программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги. В 1993–1997 гг. Тренин работал старшим научным сотрудником в Институте Европы РАН, а в 1993 г. — в Военном колледже НАТО в Риме.

объединением, и становление Российской Федерации как исторического преемника Советского Союза не привели к откату в отношениях. Наоборот, российско-германские связи вступили в полосу бурного развития на всех уровнях и во многих областях.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

На протяжении четверти века после падения Берлинской стены и объединения Германии отношения России с этой страной развивались по восходящей. Берлин стремился играть роль проводника Москвы в ее попытках встроиться в западное сообщество, создать «Большую Европу» от Атлантики до Тихого океана. Германия превратилась в важнейшего торгового и экономического партнера России в мире. Более 6000 немецких компаний вышли на российский рынок и закрепились на нем. Культурные и гуманитарные двусторонние связи достигли невиданных объемов. Многие российские немцы переселились в Германию, создав миллионную русскоязычную диаспору в центре Европы. В глазах немцев Россия перестала быть угрозой. В глазах большинства россиян Германия превратилась в одного из ближайших и вернейших друзей России. В своей речи в бундестаге, произнесенной в сентябре 2001 года, президент Владимир Путин провозгласил «европейский выбор» России¹.

На протяжении всех этих лет между двумя странами, разумеется, возникали и накапливались проблемы.

В Германии с озабоченностью наблюдали за происходящим в России. Мимо внимания Берлина не прошли трудности демократической и рыночной трансформации страны; установление в ней авторитарного правления и олигархической модели капитализма; жестокости, сопровождавшие войну в Чечне; случаи нарушения прав человека и возрождение консервативных и традиционалистских ценностей.

В России, в свою очередь, были разочарованы ролью, которую ФРГ сыграла в распаде Югославии, а затем в косовском конфликте. Германия в целом поддержала политику расширения НАТО на восток, а внешнеполитический курс Берлина после ухода в отставку в 2005 году кабинета Герхарда Шредера и прихода к власти Ангелы Меркель был скорректирован в сторону большего атлантизма. Все это не могло не вызвать недовольства Москвы. Параллельно нараста-

ла напряженность в российско-американских отношениях. В выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года Путин резко осудил мировую гегемонию США².

Тем не менее вплоть до 2011 года развитие российско-германских — как и в целом российско-европейских — отношений оставалось поступательным. Берлин инициировал «партнерство для модернизации», чтобы помочь России не только развивать экономику, но и содействовать модернизации других сторон жизни³. Москва, в свою очередь, выступила с инициативой подписания договора по европейской безопасности, а затем поддержала предложение Берлина о создании комитета министров России и ЕС по вопросам внешней политики и безопасности для урегулирования застарелых конфликтов («мезебергская инициатива»). Владимир Путин лично продвигал в Германии концепцию «Большой Европы» как платформу для тесного экономического и научно-технического, а в перспективе и политического сотрудничества.

ПРИЧИНЫ РАЗВОРОТА ТЕНДЕНЦИИ

Тенденция изменила направление, после того как Владимир Путин объявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 2012 года. Многие в Германии были глубоко разочарованы этим шагом. Они расценили его как откат назад в политическом развитии России, предвещавший также негативный поворот во внешней политике Москвы. Между тем решение Путина вернуться в Кремль во многом объяснялось его оценкой политики США в таких вопросах, как строительство системы противоракетной обороны, расширение НАТО, поддержка «арабской весны» и интервенция в Ливии. Путин, кроме того, сделал вывод о неспособности или нежелании государств Европы, включая Германию, позитивно, с точки зрения Москвы, влиять на американскую политику.

После победы на выборах президент Путин, обвинив страны Запада во вмешательстве в российские дела, взял курс на «суверенизацию» внутривнутриполитической сферы России, т. е. на устранение или снижение иностранного влияния на общественно-политические процессы в стране⁴. Этот курс предполагал, в частности, введение ограничений на деятельность российских неправительственных организа-

ций, финансировавшихся из-за рубежа, а также некоторых иностранных фондов, включая немецкие. Климат в российско-германских отношениях резко посуровел. Россия в германских СМИ и общественном мнении приобрела отчетливо негативный образ авторитарного клептократического государства, которое не способно выстроить современную экономику и паразитирует на природных ресурсах; режима, преследующего инакомыслие и угрожающего свободно-демократическому выбору соседей (Украина, Эстония, Грузия) и т. д. Жесткой, в том числе внутрипартийной, критике подверглись те умеренные деятели, которые призывали проявить «понимание» мотивов российской политики и «не рубить с плеча».

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Украинский кризис 2014 года окончательно завершил эпоху тесного дружественного взаимодействия между Россией и Германией. Охлаждение переросло в отчуждение. Еще в 2012–2013 годах, то есть задолго до украинского кризиса, в Берлине были раздражены стремлением Москвы сохранить Украину в орбите своего влияния и включить ее в инициированный Путиным Евразийский союз. В Москве, напротив, возлагали на Германию значительную часть вины за отказ Европейского союза обсуждать с Россией условия готовившейся ассоциации Украины с ЕС. Наконец, Кремль обвинил Германию и другие страны ЕС — Францию и Польшу — в нежелании отстаивать компромиссную договоренность об урегулировании кризиса (достигнутую в феврале 2014 года между украинскими властями и оппозицией при посредничестве этих трех стран) и, соответственно, в пособничестве государственному перевороту в Киеве⁵.

Резкая силовая реакция России на события в Киеве повергла Германию в шок. Российские вооруженные силы взяли под контроль Крымский полуостров, где вскоре был проведен референдум о вхождении этой территории в состав РФ. За присоединением Крыма и Севастополя последовала неудавшаяся попытка поддержанных Москвой антимайданных сил и прибывших из России активистов создать на юге и востоке Украины «государство Новороссия» — попытка, приведшая в итоге к войне в Донбассе. Российская внешняя политика совершила крутой поворот, силой оружия вмешавшись в события в соседней стране и присоединив часть территории, население которой очевидно тяготело к России.

В условиях кризиса Кремль фактически перешел на военное положение. Не имея стратегии и плана действий, Москва была вынуждена импровизировать, совершая много ошибок. В ходе войны в Донбассе, особенно в 2014 и 2015 годах, России приходилось не только помогать местным повстанцам, организованным донецкой «контрэлитой», но и вовлекаться в ход военных действий непосредственно, хотя и скрытно, чтобы не допустить разгрома донбасского ополчения киевскими войсками. Эта задача была в итоге выполнена, но высокой ценой. Доверие в Германии к действиям России и словам ее руководства было подорвано, а затем фактически сошло на нет.

Тезис президента Путина о том, что немцы, за 25 лет до того получившие с согласия Москвы возможность реализовать единство своей нации, должны «понять» чувства русских в Крыму, возвращающихся домой в Россию⁶, был резко отвергнут Берлином. С точки зрения германского правительства, действия РФ на Украине, охарактеризованные как неспровоцированное применение военной силы, аннексия части территории соседнего государства и поддержка в нем сепаратизма, подорвали европейский мирный порядок, существовавший с 1945 года, и нарушили основополагающие документы системы безопасности в Европе. В Германии не могли не провести параллели с историческим «возвращением немцев домой» — вместе с отторгнутыми от Германии землями.

Большой конфликт в Европе в 2014–2015 годах удалось предотвратить. Спекуляции на тему «российского реваншизма» и угрозы Прибалтике и Польше, с самого начала надуманные, развеялись. Германия вместе с Францией сыграли важную роль при достижении в Минске договоренностей о прекращении насилия и решении конфликта на Востоке Украины. Минские соглашения, заключенные при личном участии канцлера Германии и президента России в феврале 2015 года («Минск-2»), и сегодня теоретически могут служить основой для урегулирования ситуации в Донбассе. Вместе с тем очевидно, что Минские договоренности в большей степени удовлетворяли интересам Москвы и у киевского руководства с самого начала не было не только намерения, но и возможности реализовывать их. При этом, полагаясь главным образом на поддержку США, руководство Украины не было склонно реагировать на довольно робкие попыт-

ки Германии и Франции подвигнуть его к выполнению условий «Минска-2».

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И СУДЬБА ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Понятие «гибридная война» (hybrid warfare) используется сегодня на Западе в основном как совокупная характеристика действий России по подрыву политических устоев и социального единства других стран — от США до Черногории. В то же время, говоря о нынешних отношениях России и Запада, часто употребляют выражение «новая холодная война». Это ошибочный подход. Холодная война — уникальное явление, которое не повторится в истории. Нынешнее противоборство носит иной характер, проходит в иных формах и ведется во многом в других сферах. Для описания современной конфронтации мы будем говорить о гибридной войне, главными участниками которой являются Россия и США⁷.

В ходе продолжающегося конфликта Германия не только участвует в коллективном давлении на Россию, но и выступает лидером и координатором санкционных усилий в рамках Евросоюза. Канцлеру Меркель удалось при этом добиться желаемого: часть немецких деловых кругов, наиболее вовлеченная в экономические связи с Россией, вынуждена была согласиться с необходимостью жесткого давления на Москву с целью изменить ее внешнюю политику. Большая часть немецкого бизнес-сообщества, в эти связи не вовлеченная, отнеслась к санкциям спокойно и поддержала позицию своего правительства⁸.

В России не все и не сразу поняли, однако, что дело здесь не только в теснейшей связи немецкой политической, медийной и бизнес-элиты с элитами Соединенных Штатов Америки. В целом в Москве склонны переоценивать роль Вашингтона в различных международных ситуациях — как, впрочем, и наоборот. Между тем Берлин действовал так, а не иначе не только из-за солидарности с Вашингтоном: категорическое неприятие военного вмешательства в Европе и особенно аннексии территорий составляет часть международно-политической идентичности Федеративной Республики Германия после Второй мировой войны. ФРГ делала исключения из этого принципа, но лишь для США и НАТО (в Сербии и Косово), то есть для своего старшего

союзника и членов своего военно-политического клуба, чьи намерения заведомо считались благими. Россия не имела оснований рассчитывать на такое же отношение к себе.

Сегодня Германия фактически рассматривает Россию как потенциальную угрозу европейской безопасности и поддерживает коллективные усилия НАТО по укреплению восточного фланга альянса с целью «сдерживания России». Символический германский контингент в составе батальона бундесвера уже размещен на ротационной основе на территории Литвы⁹. Германия приняла программу увеличения военных расходов, хотя их уровень все еще не достигает 2% ВВП (норматив, согласованный в рамках НАТО). При всем этом очевидно, что ощущение угрозы со стороны России в немецком обществе и даже политическом классе пока сравнительно умеренное, несопоставимое со временами холодной войны.

Россия, со своей стороны, видит своим главным противником Соединенные Штаты, а в последнее время в Москве стали причислять к противникам также и Великобританию. Европейские страны — члены НАТО имеют в России неофициальный статус своего рода полукомбатантов: они участвуют в противоборстве, особенно в разведывательной, военной, экономической и информационной сферах, но делают это в основном из союзнической солидарности. Иначе говоря — в силу зависимости от старшего союзника, США. Они союзники главного противника, но, в сущности, не противники. Отношение в России к ним, в том числе к Германии, принципиально иное, чем к США. В политическом и особенно пропагандистском отношении оно отчасти напоминает отношение Запада к странам Восточной Европы во время холодной войны, но в плане экономическом и технологическом страны Европейского союза продолжают оставаться — в отличие от США — важнейшим партнером России.

На этом фоне важно, что Берлин, жестко критикуя действия Москвы, не отказался от диалога с ней. В гибридной войне между Россией и США Германия заняла своеобразную позицию верного американского союзника, поддерживающего санкционированный Вашингтоном постоянный контакт с Россией. Формально между трансатлантическими союзниками нет «зазора» на российском направлении. Но если в США Россия стала абсолютно «токсичной», а отно-

шение к ней со стороны американского истеблишмента сегодня немногим лучше, чем к Ирану или Северной Корее, то для Германии Россия остается важным соседом, с которым необходимо иметь дело.

В гибридной войне военная сфера не является, — во всяком случае, до сих пор не была — главной. Гораздо более интенсивное противоборство развивается в информационном пространстве. Практически все ведущие СМИ Германии заняли принципиально критическую позицию в отношении российской политики, хотя тон этих публикаций остается заметно более умеренным, чем у американской или британской прессы. В немецких СМИ продолжается профессиональное, опирающееся на анализ и логику обсуждение ситуации в России, российской внешней политики и отношений с Москвой. При этом видна конкуренция различных идей и подходов. В Берлине продолжает работать институт «Диалог цивилизаций».

В свою очередь, ожесточенная критика со стороны российских государственных СМИ распространилась не только на политику Берлина в отношении России — она затронула такие тяжелые и актуальные для немцев темы, как иммиграционная политика. В Германии, где проживает много выходцев из бывшего СССР, подобный подход был расценен как вмешательство во внутренние дела страны и попытка дестабилизировать в ней общественно-политическую обстановку. Примером может служить раздутое СМИ так называемое «дело Лизы» — девочки, якобы изнасилованной иммигрантом¹⁰. Еще больший вред наносит разнузданность и вседозволенность, допускаемые в последнее время в государственных российских СМИ, персональные оскорбления в адрес немецких политиков включая канцлера.

После того как США заявили о вмешательстве России в президентские выборы 2016 года, из Берлина также прозвучали обвинения в кибератаке российских спецслужб на серверы правительственных и государственных структур ФРГ¹¹. Официальных претензий к России в связи с выборами в германский бундестаг 2017 года не было, однако тема кибератак и шпионажа со стороны Москвы прочно закрепилась в общественном сознании немцев. Наряду с этим масс-медиа ФРГ постоянно критикуют Россию за военную операцию в Сирии — особенно за поддержку режима Башара

Асада и бомбардировки позиций его противников в густонаселенных районах Алеппо и Восточной Гуты.

Германия выступает и с более общими претензиями к России, утверждая, что в целом ее действия подрывают либерально-демократический порядок в мире. Весомость этих обвинений возрастает, если принять во внимание, что с избранием Дональда Трампа президентом США многие стали рассматривать Германию как лидера (временного, до «нормализации» внутривнутриполитической ситуации в США) либерально-демократического Запада. В самой Германии, правда, этот порядок воспринимают скорее как совокупность принципов, норм и правил, чем как геополитическое доминирование Запада во главе с США. Сторонников «однополярного мира» здесь не так много.

В России же либерально-демократический порядок напрямую увязывается с американской гегемонией, которой Москва бросила открытый вызов еще в 2014 году. Кремль считает неизбежным формирование нового мирового порядка, основанного на равновесии и взаимодействии нескольких центров силы. Необходимо, правда, иметь в виду, что для России на самом деле характер миропорядка менее важен, чем ее место в нем.

ОРИЕНТИРЫ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА «БОЛЬШОЙ КОАЛИЦИИ»

Весной 2018 года было сформировано новое правительство Германии. Правящая коалиция в целом сохранила преемственность в отношении политики на российском направлении. Обновленный берлинский кабинет подтвердил безусловную приоритетность, с точки зрения германских интересов, трансатлантических отношений и европейской интеграции. В то же время за пределами альянса ХДС/ХСС — СДПГ — в рядах представленных в бундестаге Свободной демократической партии, Левой партии и «Альтернативы для Германии» — ощущается стремление предложить иную концепцию германо-российских отношений, альтернативную мейнстримовской. Немецкие зеленые последовательно отстаивают «ценностный» подход к отношениям с Москвой.

Тем не менее традиция «восточной политики» Вилли Брандта, нацеленная в прошлом главным образом на поиск

взаимопонимания и сотрудничества с Москвой, сейчас переосмысливается в направлении большего упора на отношения со странами Восточной Европы от Польши до Украины. «Особые отношения» Германии с Россией, не говоря уже о формировании какой-то «оси» Берлин — Москва, определенно отвергаются не только в блоке ХДС/ХСС, но и в руководстве СДПГ как пагубные для национальных интересов Германии. Берлин готов поддерживать диалог с Москвой, но не отступая от принципов и опираясь на солидарность стран ЕС и НАТО.

Такая позиция если не отвергает, то отодвигает высказывавшиеся ранее идеи о возвращении России — под тем или иным предлогом — в «восьмерку»; о поэтапном ослаблении антироссийских санкций по мере нормализации положения в Донбассе; о частичной реанимации российско-германского партнерства, в частности в деле экономического восстановления Украины. Приходится признать, что некоторые из этих идей безнадежно устарели. Относительно же других в Берлине ждут первых шагов со стороны Москвы. В любом случае существует достаточно оснований для продуктивного германо-российского диалога с позиций, как говорили во времена холодной войны, *мирного сосуществования* государств с разными, иногда противоположными геополитическими интересами.

«ПОНЯТЬ ГЕРМАНИЮ»

Москва утратила надежду на то, что Берлин будет проводить качественно более мягкую, чем его союзники и партнеры, политику в отношении России. Методы политики — одно, содержание — другое. В Москве распространено убеждение, что Германия, даже если ее правительство того пожелает, не сможет избрать в отношении Москвы курс, существенно отличающийся от американского. Реакция Берлина в марте 2018 года на «дело Скрипалей», которое в Москве считают антироссийской провокацией, стала еще одним подтверждением этого тезиса. Таким образом, по мере обострения российско-американской гибридной войны Берлин будет вынужден также ужесточать свою позицию.

Москве не стоит обижаться на Берлин и обвинять немцев в отсутствии благодарности за поддержку Россией на рубеже 1990-х годов германского объединения. Существенное расхождение с союзниками и партнерами по российскому вопросу

в самом деле чревато серьезнейшими проблемами для Германии и ее претензий играть руководящую роль в ЕС. Небольшие партии и отдельные персоны могут выступать с особым мнением по поводу политики на российском направлении. Однако ведущие политические силы Германии четко следуют проатлантической ориентации, и в конфронтации США и России для них не возникает вопроса о том, чью сторону занять.

Кроме того, даже у самых сильных и влиятельных членов ЕС не может быть чисто национальной внешней политики. Германия — часть Евросоюза. Будучи одной из самых «европейских» стран этого объединения, она сознательно с самого начала строит свою политику в отношении России как европейскую. Подход же ЕС к России формируется не в последнюю очередь с учетом мнения Польши и стран Прибалтики, где политический истеблишмент и общественное мнение настроены резко антироссийски. Намеченный на 2019 год выход Великобритании из ЕС и приход к власти популистов в Италии не приведут к тому, что Европа в целом смягчит антироссийский курс. Целый ряд других стран — от Швеции до еще недавно дружественной России Испании — настроен настороженно по отношению к сегодняшней российской политике. При всем значении отдельных государств, в том числе таких крупных, как Германия, важную роль здесь играют органы Евросоюза — Европейский совет, Европейская комиссия, а также Европейский парламент. Все эти наднациональные органы настроены в отношении РФ довольно скептически. Игнорировать Брюссель не получится, и этого не следует делать.

Очевидное политическое ослабление позиций Ангелы Меркель и ее предстоящий уже в краткосрочной перспективе уход с поста канцлера создают условия для активизации французской политики, направляемой амбициозным президентом Эмманюэлем Макроном. Германо-французский тандем неожиданно стал более конкурентным, хотя фундаментальные позиции Германии, разумеется, остаются гораздо более сильными, чем у Франции. Другой вопрос, возникающий в этой связи, — о преемнике самой Меркель на посту главы правительства ФРГ. Для отношений с Россией оба фактора будут иметь существенное значение.

Необходимо также учитывать, что значение российско-го рынка для экономики Германии сильно уменьшилось

в результате кризиса и стагнации российской экономики — на фоне успехов интеграции Восточной Европы в ЕС. Товарооборот Германии с Чехией превысил объем российско-германской торговли¹². Говоря о Востоке, в Германии сейчас имеют в виду Китай, а не Россию. Наконец, представления самого германского политического класса о месте и роли России в мире разительно отличаются от представлений в Кремле. Все это Москве необходимо понимать и учитывать, планируя долгосрочный подход к двусторонним отношениям.

Для России в ее новом геополитическом положении стратегической целью является уже не создание общих пространств внутри проектировавшейся «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока», а выстраивание соседских отношений с реально существующей Европой от Лиссабона до Хельсинки — Европой, которая еще долгое время будет оставаться младшим партнером США. Точно так же для Германии едва ли продуктивно рассматривать Россию как политически, экономически и социально отсталую Европу, которую необходимо цивилизовать и каким-то способом привязать к себе, приблизив ее к стандартам ЕС. Россия не самая большая часть «Европы-2», которую нужно довести до уровня передовой Европы, а наиболее крупный из ее непосредственных соседей наряду с Турцией, арабским миром и Ираном. Ее нужно непременно принимать по внимание. Но, главное, во избежание новых разочарований, необходимо принимать ее такой, какая она есть.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ И ЕГО РАМКИ

Политические отношения России и Германии, таким образом, надолго останутся натянутыми, в том числе с учетом более широкого российско-западного контекста. Вероятно, уровень враждебности между Германией и Россией и дальше будет существенно ниже, чем между Россией и США, но на позитивное развитие германо-российских отношений сдерживающее действие окажет натовская и евросоюзная солидарность. Германия не будет жертвовать даже малой толикой отношений с США и партнерами по ЕС ради улучшения отношений с Россией. В то же время большинство немецких политиков убеждены, что обеспечение европейской безопасности без России невозможно. Это явно благоприятное обстоятельство создает условия для постоянного политического диалога между Россией и Германией на высшем уровне — как минимум для информационных целей.

Помимо Европы у двух стран есть много совпадающих интересов в других регионах мира. В свое время Москва, Берлин и Париж выступили с критикой вторжения США и Великобритании в Ирак. По иранской ядерной проблеме Россия и Германия — в отличие от США — остаются привержены Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД), принятому в 2015 году. Берлин и Москва также выступают за ослабление напряженности на Корейском полуострове, Ближнем Востоке и в Северной Африке. Стабилизация положения в Сирии и послевоенное восстановление страны, несмотря на различие ряда принципиальных позиций, может также стать предметом взаимодействия России и стран ЕС включая Германию. Россия и Германия вместе с другими странами ЕС могут сотрудничать и в восстановлении стабильности в Ливии. Правда, такое сотрудничество возможно только при условии предварительного согласия сторон по тем фундаментальным вопросам, которые их сейчас разделяют, — таким как будущее сирийского политического режима.

В то же время приходится признать, что российско-германского диалога и даже взаимодействия недостаточно для решения актуальных проблем безопасности в Европе. Здесь со стороны Запада ведущую роль играют США и структуры НАТО. Компромисс между ними и Россией пока выглядит недостижимым: Вашингтон требует от Москвы коренного изменения политической линии, то есть фактически капитуляции. В таких условиях Кремль не согласится на принципиальные уступки. Миротворческая операция ООН в Донбассе может стать способом реализации Минских соглашений, а не их заменой. Простая «сдача» Донбасса Киеву не приведет к ослаблению давления США на Россию и не вызовет благоприятного для Москвы размежевания в западном сообществе. Скорее можно ожидать обратного — усиления давления по всем направлениям начиная с Крыма, затем Калининграда и т. д. Вместо заветного места за столом переговоров в новой «Ялте» российское руководство может получить приглашение на суд в «Гаагу». Гибридная война в таких условиях будет продолжена.

Тем не менее существуют некоторые возможности как минимум для стабилизации конфронтации, и российско-германское сотрудничество могло бы здесь оказаться полезным. Речь идет о сохранении советско-американ-

ского Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), выход из которого мог бы привести к возвращению этого вида вооружений в Европу и резкому повышению уровня военной опасности в регионе. Речь может также идти и о взаимной сдержанности России и НАТО в вопросах размещения вооружений и военной деятельности в Европе. Сегодня, когда традиционный контроль над вооружениями постепенно уходит в прошлое, необходим диалог о способах обеспечения безопасности в отсутствие количественных ограничений и взаимного контроля. Россия и Германия могли бы — совместно с другими странами в рамках ОБСЕ — углублять такой профессиональный диалог в сфере современных неядерных вооружений.

ВОЗМОЖНАЯ СТРАТЕГИЯ ОДНОСТОРОННИХ ШАГОВ РОССИИ

Попытки торговаться с США заранее обречены на провал. Конструктивный для России путь — действовать в рамках и в духе Минских соглашений, демонстрируя сторонам «нормандского формата», в том числе Германии, искреннюю готовность реализовать эти договоренности в полном объеме. Главное при этом — обеспечить прекращение огня на линии соприкосновения и тем самым исключить дальнейшее абсолютно бессмысленное кровопролитие. Далее — произвести обмен пленными и удерживаемыми лицами, облегчить положение жителей региона и нормализовать условия повседневной жизни в Донбассе. Сам Донбасс при этом должен рассматриваться как составная часть Украины. Россия не претендует на эту территорию и считает, что судьба Донбасса должна быть решена в ходе реализации Минских договоренностей, так же как и вопрос о допуске мониторинговой миссии ОБСЕ на донбасский участок российско-украинской границы.

Параллельно с демонстрацией приверженности «Минску-2» Москве стоило бы проявить инициативу и приступить к самостоятельному закреплению и обустройству своего европейского «геополитического фасада». Такая политика предусматривала бы, помимо односторонних шагов как главного ее содержания, взаимодействие с непосредственными соседями, а также с другими странами Европы включая Германию. Речь идет об Украине (в частности — Донбассе), Молдавии и Приднестровье, а в более отдаленном будущем — о Грузии, Абхазии и Южной Осетии.

Москве пора признать, что *Украина* окончательно порвала с Россией, стала де-факто военно-политическим союзником США и вошла в сферу экономической ответственности ЕС. Тем самым она вышла за пределы общих с Россией политического, экономического, гуманитарного и интеллектуального пространств. Теперь свой шаг должна сделать Россия, исключив Украину из «своего» мира и рассматривая ее как в полном смысле слова иностранное государство. Москве не стоит больше надеяться на смену режима в Киеве и восстановление хотя бы малой доли своего влияния на Украину. Москве не стоит пытаться влиять на политические процессы на Украине: любые перемены там в обозримой перспективе будут происходить на неизменной и прочной антироссийской платформе. Будущее место Украины в восприятии официальной Москвы — где-то рядом с Болгарией и Румынией.

Украина и Россия быстро становятся друг для друга «чужими» странами. Конфликт между ними от этого не притупляется, но уровень эмоциональности уже не столь высок. Становится возможным более спокойно отнестись к вопросу членства Украины в НАТО. Пока он не стоит на повестке дня, но, по сути дела, сама его постановка безнадежно устарела. Украина и вне НАТО уже сегодня потенциальный противник России, и она останется таковым, пока не будут урегулированы вопросы о Донбассе и Крыме. То есть в первом случае — на многие годы, а во втором — на десятилетия вперед.

При поддержке США и других стран НАТО Украина в состоянии со временем укрепить и перевооружить свою армию, способную стать более опасным противником для Вооруженных сил РФ, чем сегодня. Даже не вступая в НАТО, Украина имеет возможность предложить США разместить на ее территории свои военные базы и другие объекты. Например, утратив шанс на базирование в Севастополе, ВМС США могли бы при желании использовать Одессу. При этом, не связанные обязательством защищать Украину, США могут позволить ее вооруженным силам действовать более свободно, без угрозы автоматического вовлечения Америки в конфликт с РФ.

Украина не станет членом Европейского союза в обозримом будущем, но она все больше будет ассоциироваться с ЕС

экономически и политически. Со стороны Европы ведущую роль в этом процессе будет играть Германия. Экономические отношения России и Украины претерпевают быструю эволюцию, аналогичную торговым отношениям РФ со странами бывшего СЭВ и республиками Прибалтики. У России, по-видимому, не будет возможности поучаствовать совместно с Германией в экономическом восстановлении Украины, но ей и не придется платить за модернизацию соседней страны. Украина, однако, останется транзитной страной для экспорта части российского газа в Европу. Москве придется согласиться с позицией Берлина: строительство второй очереди газопровода «Северный поток» должно быть увязано с сохранением в тех или иных объемах украинского транзита. Вопрос об объемах — предмет переговоров.

В условиях окончательного «развода» с Украиной наиболее разумным для России было бы перенести центр тяжести с «собираения земель» на собирание людей. А конкретно — запустить программу привлечения в РФ тех украинских граждан, которые готовы ассоциировать себя с Россией. Такую программу можно было бы начать активно осуществлять в районах Донбасса, контролируемых сегодня ДНР и ЛНР, но не ограничиваться этим. Переход пророссийских элементов с Украины в Россию облегчил бы в будущем решение проблемы Донбасса, который рано или поздно вернется де-факто в состав Украины. Россия при этом так или иначе утратит ненужный ей, в сущности, геополитический буфер, но приобретет людей, готовых связать свое будущее с РФ.

Аналогичным образом России можно было бы принципиально перестроить подход к *Молдавии и Приднестровью*. Молдавия давно стала ареной противостояния внутриполитических сил, ассоциированных с Россией и Западом исключительно условно. На самом деле речь идет о борьбе элитных групп, преследующих собственные интересы. У России есть давние связи с Молдавией, но перспектив близкой интеграции с этой страной не просматривается. Ассоциация Молдавии с Европейским союзом тем временем стала фактом, который не стремятся и в любом случае не в силах изменить даже «пророссийские» силы.

Молдавия пока что остается нейтральной страной. В принципе, гипотетическое членство Молдавии в НАТО или объединение с натовской Румынией не представляет для Рос-

сии существенной дополнительной угрозы — в условиях фактического союза с США враждебной Украины. Напротив, после резкого изменения геополитической ситуации на Украине в 2014 году и начала нового противостояния между РФ и США небольшой российский контингент в Приднестровье оказался в крайне уязвимом положении.

Москве нет необходимости ни удерживать мифический «плацдарм на Днестре», не имеющий стратегического значения и не обеспеченный ресурсами, ни содержать верхушку Приднестровской республики, которая экономически давно ориентирована на страны ЕС. Как и на Украине, Россия могла бы предоставить возможность всем желающим в Приднестровье и правобережной Молдавии переселиться в РФ с перспективой приобретения — для тех, у кого его нет, — российского гражданства.

Одновременно Москва, памятуя о нереализованных инициативах начала 2010-х годов, могла бы предложить Берлину обратиться к Кишиневу и Тирасполю с призывом начать под эгидой ОБСЕ переговоры об урегулировании приднестровского конфликта и объединении Молдавии. Успех таких переговоров позволит преодолеть застарелое противостояние и снизить уровень конфликтности в одном из регионов Европы. В то же время взаимодействие России и Германии/ЕС в деле объединения Молдавии могло бы стать моделью российско-германского/европейского сотрудничества в решении проблем безопасности на Востоке Европы.

Если переговоры с Германией по Молдавии окажутся успешными, следующим шагом могло бы стать сотрудничество в *Закавказье*. Идущие уже десять лет консультации по Абхазии и Южной Осетии фактически зашли в тупик. Принципиальные позиции абхазов и осетин с одной стороны и грузин с другой в обозримом будущем, по-видимому, не изменятся. Однако есть возможности укрепить безопасность вдоль линий, разделяющих российских и грузинских пограничников; расширить коридоры для гуманитарного обмена, экономического и культурного сотрудничества. Можно было бы возобновить диалог с участием всех заинтересованных сторон — вначале на неофициальном уровне — о перспективах урегулирования спорных вопросов. Европейская сторона могла бы выступать в качестве модератора такого диалога.

Цель этих шагов в отношении Украины/Донбасса и Молдавии/Приднестровья не изменение характера или хотя бы климата отношений РФ и Германии и превращение их в партнерские и дружественные — в обозримом будущем такая цель недостижима. Однако предлагаемые меры позволили бы высвободить ресурсы (направляемые сегодня на поддержку нежизнеспособных политических конструкций, польза от которых продолжает убывать); использовать конфликтное урегулирование для укрепления человеческого потенциала — важнейшего компонента национальной мощи страны. Сотрудничество с Берлином может помочь Москве оптимизировать геополитическую обстановку в регионах «замороженных» конфликтов. Такой маневр нельзя будет трактовать ни как уступку со стороны России, ни как рост российской угрозы. Если благодаря предлагаемому подходу европейцы — и конкретно немцы — будут в еще меньшей степени видеть в России угрозу, то это окажется хорошим побочным результатом.

Важнейшей, хотя и отдаленной стратегической целью России на западном направлении является нормализация связей, в первую очередь *экономических*, с Европейским союзом. Ближайшая задача в области российско-германских экономических и научно-технических отношений состоит в том, чтобы санкции, введенные Германией и ЕС против России, означали только то, что они означают, а именно конкретные ограничения, направленные на определенные отрасли экономики, компании и лица. Такие ограничения не служили бы препятствием для развития экономических отношений в других областях. В то же время Москве необходимо учитывать, что характер американо-германских отношений еще долго будет позволять США оказывать давление на Германию с целью ограничения и сокращения ее экономических связей с Россией.

Важнейшей экономической связкой между Россией и Германией останется российский нефтяной и газовый экспорт, доходы от которого составляют значительную часть поступлений федерального бюджета РФ. Германия заинтересована в сохранении и расширении возможностей для получения трубопроводного газа из России. Однако России придется учитывать политические интересы Германии как лидера ЕС и отказаться от планов полного прекращения газового транзита через территорию Украины. Для российской стороны

важен доступ к немецким технологиям, традиционно стимулирующим развитие отечественной экономики. Вопрос в том, в какой степени возможно обеспечить этот доступ в условиях конфронтации между РФ и США.

Как и в политической сфере, многие важные шаги Москва способна сделать в одностороннем порядке. Улучшение делового климата в России, остро необходимое в условиях усиливающихся санкций, могло бы открыть более широкие пути в страну для немецкого среднего бизнеса, дать ему гарантии прав собственности, справедливого суда, свободы от административного произвола. Если это произойдет, экономические отношения между Германией и Россией получат дополнительную политическую и общественную поддержку в Германии. Важным подспорьем для России могло бы стать расширение безвизового режима для стран Европейского союза — по примеру того, как недавно еще шире открылся для внешнего мира Китай.

В *гуманитарной* области обе страны должны сохранить главное — историческое примирение, достигнутое после Второй мировой войны. Оно уникально, так как произошло вне рамок общих союзов и интеграционных проектов, и в нынешних условиях нуждается в укреплении. Для этого с российской стороны необходимы следующие шаги: отказ от любых действий, которые можно рассматривать как вмешательство во внутренние дела Германии; свертывание недружественной пропаганды и прекращение публичных оскорблений немецких политиков в государственных российских СМИ; развитие сотрудничества по линии неправительственных организаций.

Сохранение исторического примирения российского и немецкого народов требует поддержания и развития контактов между гражданским обществом в России и Германии, между научными сообществами, особенно историками и политологами; молодежью обеих стран, учителями, университетскими преподавателями, журналистами, церковными деятелями, другими влиятельными группами населения. Гибридная война в отличие от холодной не знает — по крайней мере пока — железных занавесов и Берлинских стен. Противоборство ведется в значительной мере между элитными группами и внутри них. При этом остаются возможными профессиональные, культурные и гуманитарные обме-

ны между Россией и странами Запада включая Германию. Это обстоятельство необходимо использовать для стабилизации политических отношений.

ВЗГЛЯД ЗА ГОРИЗОНТ

Российские и германские политики должны смотреть на отношения двух стран не только с позиций исторической ретроспективы, требующей ценить их состоявшееся в прошлом примирение, но и с точки зрения долгосрочных мировых тенденций. Россиянам, смотрящим на Германию, предстоит оценить шансы Европы стать к середине XXI века полноценным центром силы, самостоятельным по отношению к США. В незападном мире сегодня отчетливо просматривается тенденция к постепенному ослаблению американской глобальной гегемонии и становлению новых центров силы. Перспективы Европейского союза в этом контексте выглядят менее определенными. С одной стороны, страны ЕС обладают в большинстве областей потенциалом, сопоставимым с американским, а также богатейшим историческим опытом. С другой — в Европе сегодня не видно сил, способных и стремящихся выстраивать внешнюю и оборонную политику ЕС отдельно от США и тем более вопреки им. Атлантизм в Европе пока выглядит гораздо сильнее европеизма.

Дефицит лидерства Европы на глобальной арене во многом проистекает из той же проблемы внутри Европы. Лидерство Германии как ведущей страны ЕС ограничено нежеланием большинства немецкого общества брать на себя подобную миссию. Осторожность немецких элит объясняется не только безусловным принятием глобального лидерства США, воспитанным в немцах после Второй мировой войны. Дело тут и в жестких самоограничениях, и в фантомных страхах европейских соседей Германии, опасющихся новой германской гегемонии в Европе. Очевидно, что относительно самостоятельная по отношению к США Европа при коллективном руководстве с активным участием Германии вряд ли будет рассматриваться Вашингтоном как желательный вариант развития европейского проекта. В таких условиях Германия вместе с Францией будут, скорее всего, продви-

гать и защищать экономические интересы Европы в диалоге с США, сохраняя военно-политическую лояльность Вашингтону.

Россия, «отвернув» от Европы и все больше заявляя о себе как о самостоятельной великой державе в центре Большой Евразии, видит себя, соответственно, соседом Европы, а не ее частью. В некотором смысле Россия превращается в «срединную державу» между «новым Западом» (Центральная Европа плюс тянущаяся на Запад Европа Восточная) и «новым Востоком» (находящиеся на подъеме Восточная и Южная Азия плюс мусульманские Центральная и Западная Азия). Москва может пытаться проводить политику маятника между своими основными соседями — Европой и Китаем, но, скорее всего, этот маятник будет чаще зависеть в восточном положении. «Большая Евразия» формируется не столько кремлевской бюрократией, сколько практическими шагами Пекина под общей шапкой «Инициативы пояса и пути». И в результате бывший «крайний восток Запада» может вновь, как много столетий назад, превратиться в «крайний запад Востока». Долгосрочная стратегия Москвы в отношении Китая пока что не выработана.

Российское будущее менее очевидно, чем будущее Германии и Европы в целом. Сумеет ли Россия в обозримой перспективе совершить прорыв к экономическому развитию? Как будет выглядеть политическая система РФ после завершения долгой «эпохи Путина»? Хватит ли у страны ресурсов, сил и воли, чтобы выстоять в гибридной войне с США, и чем может завершиться новая российско-американская конфронтация? Станет ли Москва вассалом и подручным Пекина, а если нет, то на какой основе и в каком направлении будет развиваться китайско-российское взаимодействие? На все эти вопросы сегодня нет ответа. Пока можно с уверенностью сказать одно: в середине XXI века Россия продолжит существовать, а ее отношения с Германией и Европейским союзом в целом станут важным фактором ее развития и равновесия в мире, где главные роли будут играть США и Китай.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Выступление в бундестаге. — Президент России. — 25 сентября 2001 года // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340>
- 2 Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. — Президент России. — 10 февраля 2007 года // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
- 3 Partnership for Modernisation (finalised). — Delegation of the European Union to Russia // http://eeas.europa.eu/archives/delegations/russia/eu-russia/tech_financial_cooperation/partnership_modernisation_facility/index_en.htm
- 4 Тренин Д. Четвертый вектор Владимира Путина. — Россия в глобальной политике. № 3. 2013 // <http://www.globalaffairs.ru/number/Chetvertyi-vektor-Vladimira-Putina--15992>
- 5 О телефонном разговоре министра иностранных дел России С. В. Лаврова с министрами иностранных дел Германии, Польши и Франции. — Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 22 февраля 2014 года // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/73990
- 6 Обращение Президента Российской Федерации. — Президент России. — 18 марта 2014 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/20603>
- 7 Подробнее об этом см.: Тренин Д. Европейская безопасность — от «лишь бы не было войны» до поиска нового равновесия. — М.: Московский Центр Карнеги, 2018 // <https://carnegie.ru/2018/02/26/ru-pub-75620>
- 8 A High Price for German Business. — Spiegel Online. — March 17, 2014 // <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-to-play-central-but-expensive-role-in-sanctions-against-russia-a-959019.html>
- 9 German NATO battalion receives official welcome in Lithuania. — DW.com. — February 7, 2017 // <http://www.dw.com/en/german-nato-battalion-receives-official-welcome-in-lithuania/a-37443784>
- 10 Прокуратура Берлина: «дело Лизы Ф» раскрыто, она ночевала у знакомого. — Русская служба Би-би-си. — 29 января

2016 года // https://www.bbc.com/russian/news/2016/01/160129_germany_girl_investigation

- 11 Глава контрразведки ФРГ обвинил спецслужбы РФ в кибератаках на бундестаг. — ТАСС. — 22 февраля 2017 года // <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4044608>
- 12 Чехия в топ-10 крупнейших торговых партнеров Германии. — Русская служба Radio Praha. — 27 октября 2017 // <http://www.radio.cz/ru/rubrika/ekonomika/chexiya-v-top-10-krupnejshix-torgovyx-partnerov-germanii>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР. Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

© 2018 *Carnegie Endowment for International Peace. Все права защищены.*

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают единой позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

@CarnegieRu

facebook.com/CarnegieMoscowRu